

в медсанроту. Она находилась не очень далеко, в лесу, но было темно, а старшина был пьян, поэтому бричка наехала на пенек и перевернулась. Нам, раненым, пришлось самим ставить ее на колеса, чтобы ехать дальше. В лесу увидели большую палатку, ярко освещенную внутри лампочкой от аккумулятора. Меня посадили на железный стул рядом с железным столом. Левую руку прикрепили к столу и врач вырезала на плече воронку, бросая кусочки мяса в тазик рядом. Я смотрел и думал: «как на гуляш». Перед этим мне сделали восемь уколов местного наркоза, поэтому было не очень больно. «Очень глубоко проник осколок – сказала врачиха – надо отправить тебя в тыл, там осколок вынут».

Меня поместили в другую большую палатку. В ней пол был устлан коврами, конечно трофейными, вдоль стен лежал вплотную один к другому ряд матрацев, застеленных солдатскими одеялами, на них вплотную лежали перевязанные солдаты. Нашлось место и для меня с перевязанным плечом и укрепленной на шине руке.

Середина палатки оставалась пустой. На другое утро в середине палатки был установлен патефон и поставлена пластинка «В лесу прифронтовом». Я слышал эту песню впервые, название песни соответствовало обстановке и я прослезился. В плече где-то глубоко чувствовалась глухая боль, но в общем настроение было хорошее. Чувствовалось, что дело шло к окончанию войны, я остался жив – какое счастье! Наши уже под Берлином! И я смыл, наконец, кровью «позорное пятно плены»!

Нас посадили на машины и отвезли в Венгерский город Девечар, там погрузили в железнодорожные товарные вагоны, оборудованные для перевозки раненых. На полу лежали под стенами матрасы, набитые соломой и покрытые солдатскими одеялами. Для солдат поздоровее устроили нары.

Все железнодорожные пути были разрушены